

Виктор Ерофеев. На сегодняшний день, пожалуй, самый спорный из русских писателей. Не принадлежит ни к какой литературной школе. Хорошо относится к коллегам-писателям (хотя слухи, что их отношение прямо противоположно). Дружит с Альфредом Шнитке и Борисом Гребенщиковым. Любимый поэт Пушкин. Из современных — Пригов и Рубинштейн. Был на парижских баррикадах 68-го года. К нынешнему поколению молодежи относится с симпатией. Роман «Русская красавица» переведен на 27 языков. В сборнике эссе «В лабиринте проклятых вопросов» Виктор Ерофеев выступает не только как литератор, но и как философ. Роман «Страшный суд» потрясает своей жестокостью и оптимизмом. Новая книга писателя «Мужчины» уже завоевывает читателя. У каждого времени свои герои и своя литература. Об этом мы беседуем с Виктором Ерофеевым.

— В 1989 году у вас вышла статья «Поминки по советской литературе». А сейчас уже можно петь задрывную песню русской литературе? — Да, можно, эта литература состоялась. Сейчас можно сказать, что мы присутствуем при зарождении «малого серебряного века». Я попытался обобщить его направления, течения и тенденции в книге-хрестоматии «Русские цветы зла». Основное ее направление — сосредоточенные, очень нестандартные размышления о природе человека, а главное, о внутреннем зле. Ведь русская литература как традиция предпочитала говорить исключительно о внешнем.

— Можно ли говорить о том, что «постсоветская» литература — это литература зла и роман перестал быть «книгой -- учебником жизни»? — Да, безусловно. Можно сказать, что вообще новая русская литература — это литература зла. Но она состоялась в качестве и ироничес-

кая, никто мне не сказал, что бывают литературные таланты. Я в этом смысле похож, наверное, на Шагала, у которого папа торговал рыбой. А мой папа был послом. Но к слову тут отношение было небольшое (хотя, конечно, родители дали мне прекрасное образование, но это другое дело). И поэтому я был прозаиком таким «врожденно-спонтанным». Потом, когда уже дошло до студенческого возраста, я понял, что наша русская литература чудовищно наивна. На уровне какого-то, так сказать, спонтанного творчества — все ничего, хорошо, а вот философски — что-то она говорит, а на самом деле это уже давно сказано, давно разработано. У нас нет никакой преемственности. Это совершенно фантастическая культура, которая — как рисунки на песке... Что-то пишешь, а потом приходит новое поколение, которое ничего абсолютно не знает, опять заново постигает Достоев-

Я бы даже отнеслась к ним как к целостным литературным произведениям.

— У писателя есть только одна «отвертка» — это Слово.

— Удивительно, что в «Русской красавице» повествование ведется от 1-го лица. Откуда такое знание женской логики, психологии, каких-то внутренних очень глубоких женских процессов? Роман получился «женским», и я считаю, что его очень полезно читать мужчинам.

— Это верно. В Германии, например, изучают новую женскую литературу и читают Петрушевскую, Толстую и «Русскую красавицу». Это странный феномен, который объяснить непросто. Дело в том, что если представить себе, что тут какой-то опыт, условно говоря, плейбоя или казановы, то он не работает абсолютно. Для всех этих категорий мужского сознания женщина — объект, а здесь, в романе, женщина — субъект. Поэтому такие мужчины как раз ничего не понимают в женщинах — только как в инструменте своей страсти, удовольствия, а в основном тщеславия. А что касается моего, как вы сказали, понимания женской природы, то это все родилось тоже через Слово. Тут куда не денешься.

— Было бы интересно узнать, кого из представителей русской литературы, как классической, так и современной, вы могли бы выделить?

— Я ненавижу тех писателей, которые, оглядываясь вокруг себя, говорят, что никого нет. А таких большинство. Когда-то была поучительная история. Симону Синьоре спросили, как она относится к Брижит Бардо. А Брижит Бардо никогда не была большой актрисой. Симона Синьоре ответила: «Она моя коллега, и я к ней отношусь хоро-

тересоваться живописью XX века и довольно хорошо ее знаю. Очень важным для меня было общение с Ильей Кабаковым. Что касается музыки, то к ней я пришел позже. Очень ценной для меня остается дружба с Альфредом Шнитке. Видимо, он единственный гений, которого я встретил в своей жизни. Он одарил меня своей дружбой, а потом и оперой по моему рассказу «Жизнь с идиотом». Альфред мне объяснил не на словах, а приглашая на концерты, что такое «чистота жанра». Когда ты не замутняешь что-то конъюнктурными, конформистскими и неконформистскими идеями, а просто следуешь своей собственной звезде. К сожалению, он сейчас далеко и болен, я по нему очень скучаю. Сейчас ко мне пришла какая-то новая и важная энергия — мы дружим с Борей Гребенщиковым. Мы очень разные

подготовил всю идеологическую перестройку. Мужчина был очень скован, а женщина была внутренне свободна. И здесь, в Москве, возникли вот эти лесбийские девочки, потому что мужиков не было. Это не западный лесбийский ход — там биологически что-то не то. А в России... Им просто деться было некуда. У них лесбийская любовь шла оттого, что с мужчинами было так скучно или они были такие тупые, что... А подружки хохотали-хохотали, и этот хохот доводил их до постели. Поэтому есть лесбийская любовь Ксюши в «Русской красавице», тоже очень красивая и замечательная любовь. Мужчин — не было. Они стали нарождаться, но совсем недавно. Я это как-то почувствовал. Они такие эмбриончики еще, с маленькими ножками, малень-

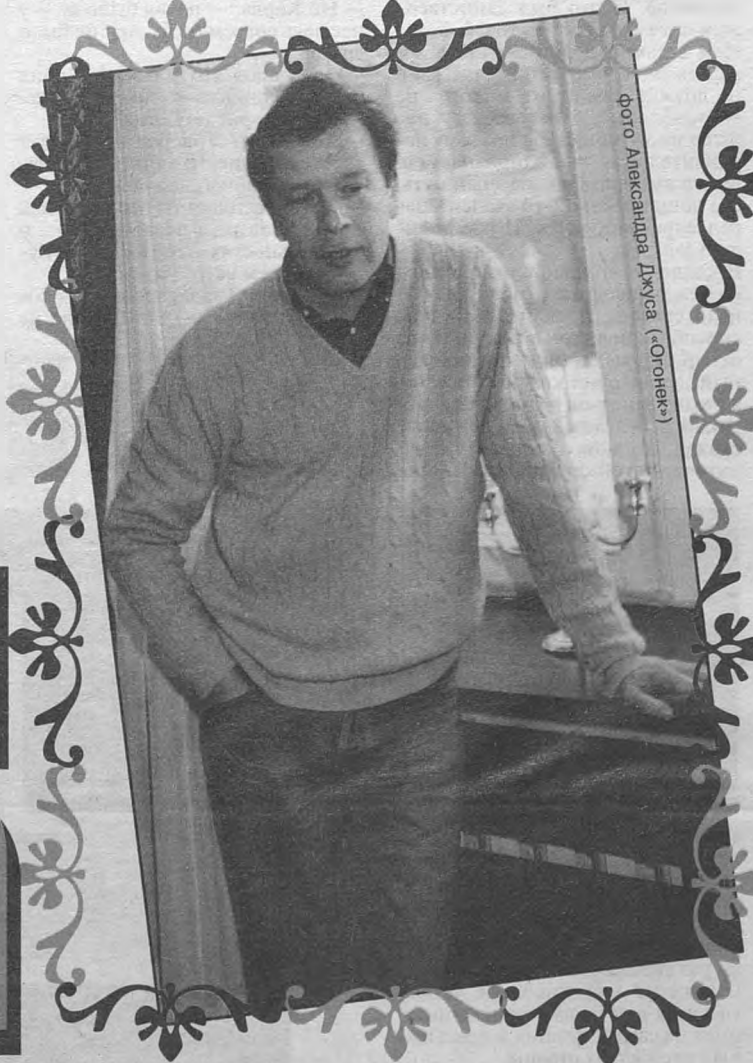

фото Александра Джуса («Огонек»)

Цветы зла Виктора Ерофеева

кой, и юмористической. А с другой стороны, и «постмодернистской», то есть зло было описано способом зла, получилась какая-то пародия на зло. И вообще, я давно заметил, что писатели, принадлежавшие к гуманистическому направлению, по жизни и по судьбе гораздо более злые, чем те, которые существуют сегодня.

— В вашем эссе, посвященном Иосифу Бродскому, вы рассматриваете Слово как некий Абсолют, от которого зависит и сам поэт, и его творчество. Что Слово означает для вас?

— Я обратил внимание на то, что в нашем мире единственная магия, которая возможна — словесная. Поэтому Слово для меня, конечно, Абсолют. Я воспринимаю Слово в том самом значении, в котором оно есть в Евангелии. Не я выбираю Слово, а я выбран Словом. То есть если Слово не хочет чего-то от меня, то я абсолютно бессилен. Ошибка считать, что писатель живет и пользуется своей внутренней энергией. Внутренняя энергия — это энергия ремесла. Энергия творчества приходит откуда-то. И поэтому писателя можно сравнить с мужчиной или с очень сильными сексуальными возможностями: у него сегодня получилось, а завтра у него может ничего не получиться. И единственное, что я себе в жизни приказал — никогда такой текст не вымучивать. Я его просто уничтожаю сразу, в зародыше. Ошибка, можно переписывать десять раз — и получится. Если Слово мертвое, то оно и мертвое.

Потому, когда русский писатель оказывается на Западе, то происходят всевозможные недоразумения с переводом, присутствует элемент кастрации. Мне в этом смысле очень везет, у меня прекрасные переводчики. Но это все равно не то, что я представляю из себя «поруски». Это раздражает, но приходится мириться.

— Для меня загадка, как в единственном вашем лице соединяются три очень разные ипостаси: эссеист, писатель-романист и философ?

— Конечно, я начал как прозаик, только я этого не понимал. В детстве меня охватило какое-то безумие «мыльных опер». Я считал, что подобное происходит у всех, не думал о собственной исключительности. У меня семья не литератур-

ского, такие же восторги по поводу Пушкина... То есть восторги должны быть, но они не должны быть первозданными. Все это меня толкнуло заниматься философией. «В лабиринте проклятых вопросов» — скорее всего философская книга. Диссертация у меня философская — «Достоевский и французский экзистенциализм». Но философия — это мышление только логическое и только категориями, а литература — только образами, и между ними — никакого соединения. И я понял, что мне в голове надо построить свою «Берлинскую стену», и я ее построил. Это была своего рода чистая шизофрения, потому что я себя одного не допускал к себе другому. И таким образом «мы» жили очень долгое время, пока не укрепились и та, и другая позиции. Например, такая книга, как «Мужчины», — это совсем новый этап. Он был немыслим еще несколько лет назад. Сейчас уже нет этой шизофрении, нет ощущения, что одно как-то давит на другое. Я спокойно двигаюсь в этом пространстве, но при этом опасность возврата существует всегда.

— Вообще, ваши философские эссе при этом достаточно литературны.

шо». Я про себя сказал бы то же самое. Об этом свидетельствует моя книга «Русские цветы зла». Я, наверное, в этом случае нечастый писатель, который своим коллегам дарит возможность быть переведенными на разные языки и с лучшими вещами. Ведь можно было совершить страшную хитрость: взять другие тексты. В книге «Русские цветы зла» представлен круг писателей от Шаламова до Пелевина, которых я ценю. Вообще, эта книга уже стала бестселлером, она уникальна в своем роде. У меня была совершенно исключительная дружба с Кавериним. Я подозреваю, что я был его последней любовью. Он во мне видел какое-то продолжение. Именно он мне показал, что в писательской жизни можно быть скромным и чистым и при этом полноценным. Очень сильно повлиял на меня Ахенс. Он был самым первым, кто признал меня.

— Влияют ли на ваше творчество какие-либо другие области искусства и есть ли у вас особые привязанности?

— В какой-то момент я стал брать энергию из других искусств и прежде всего из живописи и из музыки. Моя мама меня приучила к импрессионизму. Потом я стал ин-

Совеседник — 1997 — № 43 — с. 19

в смысле того, что мы пишем, но такое впечатление, что мы карабкаемся на одну гору, но с разных сторон. Что касается кино, то для меня это форма грубого искусства. У меня такое впечатление, что кино сколачивают, как ящики большими гвоздями. Книгу лучше читать несколько раз, а кино смотреть в лучшем случае единожды.

— Когда я прочитала вашу последнюю книгу «Мужчины», у меня было ощущение, что книга должна была бы называться «Женщины». Вы не боитесь, что после этой книги вас будут считать феминистом?

— Я вообще не пугливый. Я действительно писал мужчин как феномен, который у нас не проявлен. В отличие от женщины. Он существует, она оказалась сильнее советской власти. Как в свое время Грузия как республика была сильнее советской власти: там просто папу и маму любили больше, чем боялись секретаря райкома. А русские женщины просто-напросто любили любить, хотели любить. И они выстояли. Было трудно, естественно, но они сохранились. И в «Красавице» я просто нашел ее. Тогда, прямо на стыке 80-х годов, зародился этот тип женщины, который фактически

кими ручками. Ведь «Русскую красавицу», мне кажется, можно читать и сегодня, и завтра, потому что процесс развития мужчины будет длиться долго. Это непросто, так как будут меняться поколения, а мужчине очень трудно вырабатывать свой кодекс ценностей, у него раздавлен хребет, хребта нет. Поэтому я сочувствую женщинам, сочувствую серьезно. То есть, конечно, можно случайно найти, «прошуршать и найти гриб в траве», но в принципе если брать мужчин как половое сословие, то его нет.

— Виктор Владимирович, в книге «Мужчины» есть глава, которая называется «Секс как спорт». Там вы пишете: «Вся новизна началась, пожалуй, со словечка ЕЩЕ... ЕЩЕ означает: мало и не то. Мужики растерялись... Надо признать, что на пороге оргазма женщины научились произносить слово ЕЩЕ твердым голосом». Может быть, получится не заканчивать наш разговор по поводу мужчин на грустной ноте — как вы считаете, сейчас мужчина уже научился произносить слово ЕЩЕ?

— Нет, не научился — он произносит слово ЕЩЕ не совсем там, где это надо произносить.

Беседовала Катерина ЛИШАНKOBA.